УДК 324

Ирина БОЛГОВА

Юлия НИКИТИНА

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ МЕЖДУ ИНТЕГРАЦИЕЙ И СУВЕРЕНИТЕТОМ

Аннотация. Анализ подходов к изучению евразийской интеграции демонстрирует невозможность уйти от ЕС-центричности при формулировании и обосновании принципов деятельности регионального интеграционного проекта в Евразии при одновременном декларировании важности суверенитета как основы нового типа региональной интеграции. Цель данной статьи – изучить данное противоречие путём обзора исследований, предлагающих теоретическое объяснение процессов регионализма в рамках ЕАЭС, а также введения в российский научный оборот и применения к ЕАЭС теорий из сферы сравнительного регионализма. В статье применяется концепция статуса в международных отношениях, изучается дихотомия “суверенитет – наднациональность” в развитии ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, теории интеграции, регионализм, суверенитет, статус, западная и незападная модели интеграции.

Изучение эволюции евразийской интеграции и её институционального дизайна на современном этапе позволяет выявить центральный парадокс развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который вряд ли в полной мере учитывается исследователями региональных интеграционных процессов. На взгляд авторов

© **Болгова Ирина Вячеславовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** i.bolgova@inno.mgimo.ru

© **Никитина Юлия Александровна** – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** y.nikitina@inno.mgimo.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 “Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>

данной статьи, парадокс состоит в том, что ЕАЭС сочетает в себе институциональный дизайн, калькированный с европейской интеграции [Глинкина, 2015; Кондратьева, 2016, 2018а, 2018б], и практическое наполнение деятельности, соответствующее неевропейской (незападной) традиции не просто “уравновешивания” интеграции и государственного суверенитета [Dragneva, 2017], но укрепления суверенитета при помощи формальной регионализации. Более того, институциональные формы евразийской интеграции проходят свои рубежные этапы (2010 год – формирование Таможенного союза и наднациональной Комиссии; 2012 год – создание ЕЭП; 2015 год – вступление в силу договора о Евразийском экономическом союзе) в период, когда национальная идентичность и государственный суверенитет становятся ключевыми темами внутривосточной повестки во всех странах евразийского интеграционного пространства. При этом повышение внимания к идее суверенитета не препятствует дальнейшему развитию интеграции в обозначенных институциональных рамках. Фиксация этого парадокса позволяет предполагать, что существующие в академической литературе подходы к анализу современных региональных процессов не объясняют в полной мере существующую практику и обладают целым рядом ограничений.

Традиционные ЕС-центричные подходы к анализу интеграции: неофункционализм

Несмотря на номинально утвердившуюся как в отечественном, так и в западном академическом поле традицию отказа от “европейской монополии” на интеграцию, категория наднациональности и (частичного) отказа от государственного суверенитета остаётся центральной при оценке успешности региональных интеграционных проектов. Наследие неофункционалистской логики, как показывает изучение исследований в рамках сравнительного регионализма, остаётся по-прежнему наиболее влиятельным. Доминирование идей неофункционализма и прежде всего центральной – “эффекта перелива” – задаёт логику формулирования вопросов различной степени нормативности в отношении процессов региональной интеграции: насколько возможна интеграция без эффективных наднациональных институтов? До какой степени государства могут сочетать государственный суверенитет и региональную интеграцию? Возможна ли эффективная экономическая интеграция без политической?

И здесь приходится сразу подчеркнуть, что в условиях евразийского интеграционного пространства логика неофункционализма с центральной идеей “перелива” (*spill over*) не работает даже на уровне сугубо экономического взаимодействия. Секторальная интеграция (в сфере железнодорожной инфраструктуры или электросетей) не способствует дальнейшей интегрированности других сфер экономического взаимодействия [Obydenkova, 2011] прежде всего в связи с высокой степенью вовлечённости государства и механизмов государственного регулирования в экономики стран – участниц. Таким образом, вряд ли стоит ожидать механического перелива экономической интеграции в политическую сферу.

Сохранение доминирующей логики неофункционализма в европейских исследованиях процессов евразийской интеграции [Popescu, 2014, Dragneva, 2017, Euro-

pean Parliament 2017] предопределяет направления изучения ЕАЭС через призму оценки функционирования наднациональных институтов. Такая схема выстраивания аргументации приводит, как правило, к нормативным выводам о неуспешности евразийского интеграционного проекта или, шире, о желании России продвигать через инструмент формальной региональной интеграции свои геополитические интересы. Сходный вывод основывается в том числе на анализе списка внешних партнёров ЕАЭС (Вьетнам, Сирия, Египет), который соответствует карте российских внешнеполитических приоритетов.

При этом при изучении деятельности наднациональных институтов ЕАЭС в академической литературе не принято обращать внимание на то, что они обладают механизмами частичного ограничения суверенитета всех государств – членов ЕАЭС, в том числе России. Наиболее известен тот факт, что Россия сознательно пошла на ограничение своей роли в рамках наднациональных институтов, изменив схему распределения голосов в Комиссии, согласившись на принятие решений консенсусно по принципу “одна страна – один голос”, в отличие от соотношения 57:21,5:21,5, принятого в Таможенном союзе. Такие уступки были сделаны для того, чтобы снизить напряжение между Россией и более слабыми партнёрами внутри ЕАЭС по линии угрозы вмешательства во внутренние дела [Libman, 2017], в том числе и для поддержания имиджа интеграционного проекта как механизма, предохраняющего от внешнего вмешательства. Эволюция использования методов ограничения национального суверенитета и места принципов наднациональности в институциональном дизайне ЕАЭС может быть объяснена без применения нормативного подхода с помощью концепции М. Мартинез [Martinez, 1996], которая при анализе проблемы суверенитета в контексте функционирования международных организаций настаивает на динамическом характере соотношения в рамках дихотомии “интеграция – суверенитет”, не ограничиваясь жесткими хронологическими рамками создания интеграционных структур. Кроме того, что также важно при анализе региональных интеграционных процессов, ограничение суверенитета, согласно М. Мартинез, не связано напрямую с функционированием наднациональных институтов, так как в рамках межгосударственных организаций существуют возможности по оказанию дипломатического и иного политического воздействия для инструментализации общей политики государств-членов.

С этого ракурса институциональная структура ЕАЭС и процесс принятия решений, которые отвечают текущим запросам государств-членов и при этом могут гибко реагировать на изменения, не противоречат идее политической интеграции, а могут быть рассмотрены как её составная часть.

При этом намеренно редукционистский подход российских исследователей [Vinokurov, 2017a, 2017b; Кондратьева, 2018a, 2018b], сфокусированный на экономической сфере, во многом является ответом на упреки в адрес евразийской интеграции как проекта, продвигаемого в первую очередь в российских (гео)политических интересах и загоняет изучение евразийской интеграции в интеллектуальную ловушку дихотомии “интеграция – национальный суверенитет” [Zagorski, 2015].

Сравнительная интеграция и сравнительный регионализм: незападные модели

Процесс интеграции в рамках Евразийского экономического союза остаётся одной из центральных тем академических исследований в контексте развития теории сравнительного регионализма. Исследования евразийской интеграции представляют собой несколько относительно автономно развивающихся направлений, сосредоточенных на собственно сравнении моделей европейской и евразийской интеграции [Кондратьева, 2011; Глинкина, 2015; Popescu, 2015; Dragneva and Wolczuk, 2015; Karliuk, 2015], политически ориентированном анализе перспектив взаимодействия между ЕС и ЕАЭС [Биссон, Потемкина, 2017; Beifert, Shcherbanin, Vinokurov, 2018; Krastev and Leonard, 2014; Dragneva, Delcour and Jonavicius, 2017], исследовании экономических детерминант для оценки успешности интеграционных процессов и её дальнейшего углубления [Афонцев, 2014; Винокуров, 2017а], а также изучении применимости ключевой для европейской модели категории наднациональности в неевропейских региональных форматах [Dragneva, 2017].

Следует констатировать, что в российском научном дискурсе относительно мало публикаций по сравнительному регионализму, как обзорно-теоретического, так и прикладного характера. Немного чаще используется термин “сравнительная интеграция”. Несколько больше работ, описывающих разные модели регионализма, но без значительного сравнительного компонента, хотя и с теоретическими обобщениями [Никитина, 2009; Маныкин, 2010; Байков, 2012]. Однако отметим, что и в западных исследованиях международных отношений литература по сравнительному регионализму (из наиболее полных недавних исследований см. [Borzel, Risse, 2016]) – это относительно новое явление последних 10–15 лет. Несмотря на то, что проблема вызывала интерес ведущих западных теоретиков в 1960–1970-е годы [Nye, 1968], концептуализация этого явления как отдельной сферы исследования наблюдается в академических исследованиях лишь в последние десять лет [Sbragia, 2008; De Lombaerde, 2010; Acharya, 2012]. Зарубежный интерес к сравнительному регионализму вписывается в более общую тенденцию роста интереса к незападным практикам и западным теориям международных отношений. Постепенно эта волна интереса доходит и до России, хотя нужно отметить, что российская политическая наука уже достаточно давно рассматривает российский политический опыт как не вписывающийся в западные политические теории. Составляющей частью данного направления исследований является рассмотрение реальной практики интеграционных проектов с участием России без оглядки на западный опыт [Афонцев, Лебедева, 2014]. Концептуализация незападного регионализма в сравнительной перспективе уже достаточно давно развивается А. Воскресенским [Воскресенский, 2005, 2013, 2016].

Наиболее известный автор, который пишет как на тему западных теорий международных отношений в целом [Acharya, Buzan, 2009], так и на тему сравнительного регионализма [Acharya, Johnston, 2007], – это Амитав Ачария. Интересно, что объяснения Ачарии и его соавторов относительно доминирования западных теорий в международных исследованиях могут быть также использованы для объяснения доминирования ЕС-центричных теорий интеграции. В частности, Ачария и

Бузан пишут, что доминирование западных теорий может быть объяснено, помимо прочего, тем, что местные незападные условия не способствуют созданию теорий (то же может быть отнесено и к созданию высокоинтегрированных объединений) и тем, что Запад ушёл вперед, но остальные регионы скоро догонят его (здесь имеет место исходная предпосылка о линейности развития).

Опыт изучения незападного регионализма (впрочем, без кейса Евразии) в монографии под редакцией А. Ачарии и Э.А. Джонстона [Acharya, Johnston, 2007] привёл к следующим обобщённым выводам. Характеристики региональных объединений развитых и развивающихся стран различаются, при этом для развивающихся стран основой для сотрудничества будет разделяемое убеждение о ценности суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Более того, уровень регионального сотрудничества будет во многом зависеть от того, насколько сильные или слабые режимы взаимодействуют: слабые режимы будут создавать интеграционное объединение таким образом, чтобы максимально ограничить вмешательство интеграционных институтов во внутренние дела и обеспечить собственную выживаемость.

Таким образом, важной функцией подобных региональных объединений развивающихся стран может быть внешняя легитимация политических режимов государств-членов. С этой точки зрения желание ЕАЭС сотрудничать с ЕС может быть объяснено как стремление к внешней легитимации. Именно поэтому установление официальных контактов с ЕС обладает такой символической ценностью и предлагается в качестве предварительного условия для любого практического взаимодействия. Эта же логика характерна и для попыток ОДКБ установить официальные отношения с НАТО с 2004 года и до кризиса 2014 года.

Как представляется, для лучшего понимания мотивации ЕАЭС по установлению официальных связей с ЕС целесообразно применить концепцию статуса в международных отношениях к региональным организациям как акторам. В последние годы концепция статуса всё чаще используется в качестве дополнения или альтернативы как реалистскому подходу, основанному на балансе сил, так и либеральному подходу, который учитывает влияние в форме мягкой силы. Важным вкладом в развитие концепции статуса можно считать книгу «Статус в мировой политике» под редакцией Т.В. Пола, Д. Ларсон и У. Уолфорта [Paul, Larson, Wohlforth, 2014], а также издание под редакцией Т. Волджи «Крупные державы и стремление к статусу в международной политике: глобальные и региональные перспективы» [Volgy et al., 2011]. Обе книги объединили целый ряд исследователей, занимавшихся до этого по отдельности развитием идеи статуса в международных отношениях (например, [Larson, Shevchenko, 2010]). Российские эксперты применяли эту концепцию как к России [Троицкий, 2016], так и к членам БРИКС [Коньшев, Ноцен, Сергунин, 2017].

Как считают авторы данной статьи, если исходить из либерального подхода к межправительственным организациям как наделённым не только правосубъектностью, но и отдельной идентичностью и акторностью, то концепция статуса применима и к региональным интеграционным группировкам. При этом наиболее ценным с аналитической точки зрения для анализа отношений ЕАЭС с ЕС будет формула «дилеммы статусов», введённая У. Уолфортом для анализа отношений США и

Китая [Wohlforth, 2014]. В ситуации дилеммы статуса один игрок хочет повысить свой статус, а другие игроки не склонны давать такое признание из-за неуверенности в мирных намерениях первого, предпочитая воспринимать его намерения как агрессивные. Именно такой дилеммой статуса определяется, например, специфика отношений России и США, а также НАТО в последние годы [Истомин и др., 2019]. При этом само нежелание вступать в переговоры о новых условиях является частью стратегии Запада по непризнанию нового статуса России в мировом порядке [Троицкий, 2016]. Эта объяснительная схема может быть применена к отношениям ЕС и ЕАЭС: европейские и американские чиновники предпочитают обвинять ЕАЭС в неэффективности, делая предположения, что это лишь прикрытие для экспансионистской политики России в Евразии. Нежелание вступать в переговоры по поводу установления официальных отношений ЕС с Евразийским союзом может рассматриваться как часть политики по непризнанию статуса ЕАЭС как “нормального” интеграционного объединения. Европейские политики и эксперты, как правило, считают, что ЕАЭС сначала должен доказать свою эффективность и мирные намерения, после чего в качестве награды ему будет предоставлен статус равного благодаря установлению официальных связей между организациями.

Сложности в контактах между ЕС и ЕАЭС могут быть объяснены также разными подходами к структурированию регионов, присущих ЕС и России [Makaryushev, 2012]. Вместе с тем представляется, что следует всё же отойти от упрощённой интерпретации подхода России к регионализму в рамках ЕАЭС в русле реализма и/или геополитики, а подхода ЕС – в русле либеральной школы и конструктивизма. Скорее, можно утверждать, что и ЕС, и ЕАЭС стремятся к обеспечению стабильности и достижению экономических выгод, однако эти объединения используют разный порядок достижения поставленных целей: первым шагом может считаться либо развитие институтов, либо создание экономической стабильности.

Изначально идея Таможенного союза ЕврАзЭС и первоначальный состав ЕАЭС предполагал включение только тех государств, которые могут инвестировать в региональную интеграцию, а не только выступать получателями её благ. То есть определённый уровень социальной стабильности и экономического развития был “входным билетом” для участия в региональном интеграционном проекте. Остальные государства должны были присоединяться по мере готовности своих социально-экономических систем. Первоначально задуманный союз сравнительно сильных игроков помог бы им выстроить стабильные и работающие институты. Вместе с тем в условиях политического кризиса в отношениях между Россией и Западом включение в ЕАЭС Армении и Киргизии приобрело политическое значение, что привело к отходу от изначальной концепции регионализма.

Для расширения ЕС и политики соседства характерна обратная логика, которая исходит из того, что сильные и эффективные институты при переносе их в соседние государства приведут к большей стабильности и экономическому процветанию. Таким образом, логика ЕАЭС и логика ЕС основаны на разном порядке обусловленности: с одной стороны, стабильные и сильные государства обеспечивают стабильную и успешную региональную интеграцию, с другой стороны, наоборот, устойчивые институты должны привести к экономическому процветанию и консолидации демократии.

Анализ евразийской интеграции: в какую сторону развиваться?

Мы можем констатировать когнитивный диссонанс при рассмотрении политической составляющей интеграционных процессов на евразийском пространстве как в отечественной, так и западной академической литературе. Западная традиция по-прежнему вписывает анализ евразийской интеграции в контекст применимости принципов наднациональности и ограничения суверенитета в функционировании институтов евразийской интеграции. Основанный на этом подходе нормативный спектр достаточно широк. С одной стороны, доминируют оценки евразийской интеграции как попытки восстановления политической гегемонии России на постимперском пространстве, так как институты ЕАЭС не содержат достаточных механизмов ограничения государственного суверенитета по модели ЕС. С другой стороны спектра представлено толкование набора рассматриваемых вопросов, суженное до сферы экономического взаимодействия, где существующие на сегодняшний день институциональные ограничения привели к (при)остановке эффекта масштаба от объединения рынков, что вызывает скепсис у аналитиков относительно дальнейших возможностей региональной интеграции.

Отечественное видение евразийской интеграции ограничено намеренным отказом от политизации, связанным с преобладанием в политическом дискурсе стран – членов ЕАЭС идеи примата государственного суверенитета. Анализ подходов к изучению евразийской интеграции демонстрирует прежде всего невозможность на постсоветском пространстве уйти от ЕС-центричности при формулировании и обосновании принципов деятельности регионального интеграционного проекта при одновременном декларировании суверенитета как основы нового типа интеграции. Данное противоречие, как представляется, берёт своё начало из идеи общего пространства “от Лиссабона до Владивостока”. Россия и ЕС не смогли найти операциональную модель строительства континентальной интеграции “из двух центров”, как неоднократно предлагал министр С. Лавров. В результате, ЕС проходит этап осмысления кризиса самодостаточной и способной к расширению на тех или иных принципах воспроизводства модели европейской интеграции, а Россия пытается продолжить на постсоветском пространстве интеграционный проект, внешне отвечающий европейской легитимности, а внутренне учитывающий национальные и региональные потребности.

Анализ процессов, происходящих на постсоветском пространстве, позволяет утверждать, что региональные условия и формирующийся международный контекст способствуют долгосрочной устойчивости региональных интеграционных объединений, опирающихся на идею национального суверенитета. При этом отсутствие действительных, а не декларируемых механизмов наднациональности не означают отказа от политической интеграции, понимаемой здесь как взаимовлияние и взаимозависимость политических элит и государственных институтов стран, входящих в интеграционное объединение. Отказ от анализа политической составляющей региональной интеграции во многом является побочным эффектом устоявшейся традиции связывать политическую интеграцию и ограничение государственного суверенитета. Как показывает проведённый анализ применения существующих направлений региональной интеграции для оценки взаимодействия в

рамках ЕАЭС, такой подход не обладает достаточной объяснительной ценностью. Таким образом, представляется важным сосредоточиться на разработке категориального аппарата и аналитического инструментария в рамках теории сравнительной интеграции, который бы более адекватно учитывал соотношение политической и экономической интеграции, не ограничиваясь формальными институциональными аспектами.

Список литературы

- Афонцев С.А. (2014) Условия и критерии успешной интеграции: уроки мирового опыта для Таможенного союза, *Леонтьевские чтения: Актуальные экономические проблемы России*, № 11, с. 145–163.
- Афонцев С.А., Лебедева М.М. (ред.) (2014) *Россия в современных интеграционных процессах*: коллективная монография, МГИМО, Москва, Россия.
- Байков А. (2012) *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*, Аспект Пресс, Москва, Россия, 256 с.
- Биссон Л.С., Потемкина О.Ю. (2017) “ЕС и ЕАЭС: принципы, границы и перспективы взаимодействия миграционных систем” в кн.: *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*, ИЕ РАН, Москва, Россия, с. 399–415.
- Воскресенский А.Д. (2013) Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений, *Полис. Политические исследования*, № 6, с. 82–96.
- Воскресенский А.Д. (2005) Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке, *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, № 2, с. 90–106.
- Глинкина С.П. (отв. ред.) (2015) *Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках*, ИЭ РАН, Москва, Россия.
- Истомин И.А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. (2019) “Знак качества” или “чёрная метка”? НАТО как маркер статуса государств, *Вестник МГИМО-Университета*, 65(2), с. 57–85.
- Кондратьева Н.Б. (2011) Таможенный союз ЕвразЭС движется по стопам ЕС, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 164–187.
- Кондратьева Н.Б. (2016) Евразийский экономический союз: достижения и перспективы, *МЭ и МО*, Т. 60, № 6, с. 15–23.
- Кондратьева Н.Б. (2018а) Отношения ЕС – ЕАЭС: особенности современного этапа, *Современная Европа*, №3 (82), С. 60–70.
- Кондратьева Н.Б. (2018б) Сравнительный анализ технического регулирования ЕС и ЕАЭС, *Современная Европа*, № 4 (83), с. 155–163.
- Коньшев В.Н., Ноценъ Э.Д., Сергунин А.А. (2017) “Символические и репутационно-статусные стратегии БРИКС: Проблемы и возможности” в кн.: *Символическая политика: Политика идентичности*. ИНИОН РАН, с. 159–174.
- Манькин А.С. (2010) *Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее*, Олби-Принт, Москва, Россия.
- Никитина Ю.А. (2009) *ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности*, Навона, Москва, Россия.
- Троицкий М. (2016) Как повысить самооценку на мировой арене: международный статус как важная цель в российско-американских отношениях, *PONARS Eurasia*, Policy Memo 445, October. URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201610_Troitskiy.

References

- Acharya A., Buzan B. (eds.) (2009). *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*, Routledge, London, UK.
- Acharya A., Johnston A.I. (eds.) (2007) *Crafting cooperation: the design and effect of regional institutions in comparative perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Acharya, A. (2012) Comparative regionalism: A field whose time has come? *The International Spectator* 47, 1, pp. 3–15.
- Afoncev S.A. (2014) Usloviya i kriterii uspešnoj integracii: uroki mirovogo opyta dlya Tamozhennogo soyuza, *Leont'evskie chteniya: Aktual'nye ekonomicheskie problemy Rossii*, no. 11, pp. 145–163.
- Afoncev S.A., Lebedeva M.M. (eds.) (2014) *Rossiya v sovremennykh integracionnykh processah*: kollektivnaya monografiya, MGIMO, Moscow, Russia.
- Baykov A. (2012) *Sravnitel'naya integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoy Evrope i Tihookeanskoj Azii*, Aspekt Press, Moscow, Russia, 256 p.
- Beifert A., Shcherbanin Y. & Vinokurov E. (2018). Trans-Eurasian Land Transport Corridors: Assessment of Prospects and Barriers, *IASA Report*, Laxenburg, Austria.
- Bisson L.S., Potemkina O. Yu. (2017) ES i EAES: principy, granicy i perspektivy vzaimodejstviya migracionnykh sistem. V kn: *Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski*, IE RAN, Moscow, Russia, pp. 399–415.
- Börzel, T. and Risse Th. (eds.) (2016) *The Oxford handbook of comparative regionalism*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- De Lombaerde Philippe, et al. (2010) The problem of comparison in comparative regionalism, *Review of International Studies* 36.3, pp. 731–753.
- Dragneva R. (2017) “The Eurasian Economic Union: Balancing Sovereignty and Integration” in: R. Petrov, P. van Elsuwege, (eds.) *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration*, Routledge, London, UK.
- Dragneva R. and Wolczuk K. (2015) “EU Emulation in the Design of Eurasian Integration” in: Lane D. and Samokhvalov V. (eds.) *The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics*, Routledge, London, UK.
- Dragneva R., Delcour L. and Jonavicius L. (2017) Assessing Legal and Political Compatibility between the European Union Engagement Strategies and Membership of the Eurasian Economic Union, *EU-STRAT Working Paper*, no. 07.
- European Parliament Research Service (2017) *Eurasian Economic Union. The rocky road to integration*. Briefing.
- Glinkina S.P. (ed.) (2015) *Opyt nadnacional'nogo regulirovaniya v regional'nykh integracionnykh gruppirovkah*, IE RAN, Moscow, Russia.
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov V.A. (2019) “Znak kachestva” ili “chyornaya metka”? NATO kak marker statusa gosudarstv, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 65(2), pp. 57–85.
- Karliuk M. (2015) The Eurasian Economic Union: An EU-Like Legal Order in the Post-Soviet Space?, *Working Paper BRP/53/LAW/2015*, Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Kondrat'eva N.B. (2011) Tamozhennyj Soyuz EvrAzES dvizhetsya po stopam ES, *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 164–187.
- Kondrat'yeva N.B. (2016) Yevraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: dostizheniya i perspektivy. [Eurasian Economic Union: achievements and prospects], *ME i MO*, vol. 60, no. 6, pp. 15–23.
- Kondrat'eva N.B. (2018a) Otnosheniya ES – EAES: osobennosti sovremennogo etapa, *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (82), pp. 60–70.
- Kondrat'eva N.B. (2018b) Sravnitel'nyj analiz tekhnicheskogo regulirovaniya ES i EAES, *Sovremennaya Evropa*, no. 4 (83), pp. 155–163.
- Konyshchev V.N., Nocen' E.D., Sergunin A.A. (2017) “Simvolicheskie i reputacionno-statusnye strategii BRIKS: Problemy i vozmozhnosti” in.: *Simvolicheskaya politika: Politika identichnosti*, INION RAN, pp. 159–174.
- Krastev I. and Leonard M. (2014) *The New European Disorder*, ECFR/17, November.
- Larson D., Shevchenko A. (2010) Status seekers. Chinese and Russian responses to U.S. primacy, *International security*, vol. 34, no. 4, pp. 63–95.
- Libman A. (2017) Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined, *Rising Powers Quarterly*, volume 2, issue 1, pp. 81–103.
- Makarychev A. (2012) “Russia-EU: competing logics of region building (DGAP-Analyse, 1). Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V., Berlin”, available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ss0ar-350113>.
- Manykin A.S. (2010) *Modeli regional'noj integracii: proshloe i nastoyashchee*, Olbi-Print, Moscow, Russia.
- Martinez M. Martin (1996) *National Sovereignty and International Organizations*, Kluwer Law Interna-

tional, The Hague/Boston/London.

Nikitina Yu.A. (2009) *ODKB i SHOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti*, Navona, Moscow, Russia.

Nye Joseph S. (1968) Comparative regional integration: Concept and measurement. *International organization*, 22.4, pp. 855–880.

Obydenkova A. (2011). Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism?, *Journal of Eurasian studies*, 2(2), pp. 87–102.

Paul Thazha V., Larson D., and Wohlforth W. (eds.) (2014) *Status in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Popescu N. (2014) *Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely*, EUISS Chaillot Paper No.132. European Union Institute for Security Studies, Paris, France.

Sbragia A. (2008) Comparative regionalism: What might it be? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 46, pp. 29–49.

Troickij M. (2016) “Kak povysit' samoocenku na mirovoj arene: mezhdunarodnyj status kak vazhnaya cel' v rossijsko-amerikanskij otnosheniyah, PONARS Eurasia, Policy Memo 445, October”, available at: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201610_Troitskiy.

Vinokurov E. (2017a) Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results, *Russian Journal of Economics*, (3)1, pp. 54–70.

Vinokurov E. (2017b) *Introduction to the Eurasian economic union*, Palgrave Macmillan.

Volgy Th., et al. (eds.) (2011) *Major powers and the quest for status in international politics: global and regional perspectives*, Springer.

Voskresenskij A.D. (2013) Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoj (kitaizirovannoj) teorii mezhdunarodnyh otnoshenij, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 82–96.

Voskresenskij A.D. (2005) Politicheskaya komparativistika kak chast' diskursa mirovogo kompleksnogo regionovedeniya: obshchie zakonomernosti i specifika ih transformacii na Vostokey, *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 90–106.

Voskressenski A.D. (2016) *Non-Western theories of international relations: Conceptualizing world regional studies*, Springer.

Wohlforth W. (2014) “Status Dilemmas and Interstate Conflict” in: Paul T., Welch Larson D. and Wohlforth W. (eds.) *Status in World Politics*, Cambridge University Press, pp. 115–140.

Zagorski A. (2015) “Caught between the Economy and Geopolitics” in: Hett F. and Szkola S. (eds.) *The Eurasian Economic Union: Analyses and Perspectives from Belarus, Kazakhstan, and Russia*, FES, Berlin.

Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty

Authors: Bolgova I., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, International Applied Analysis Department, Research Fellow, Center for the Post-Soviet Studies, MGIMO University. **Address:** 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia 119454. **E-mail:** i.bolgova@inno.mgimo.ru

Nikitina Y., Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, World Politics Department, Leading Research Fellow, Center for the Post-Soviet Studies, MGIMO University. **Address:** 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia 119454. **E-mail:** y.nikitina@inno.mgimo.ru

Abstract. The analysis of the approaches to the study of the Eurasian integration shows that scholars stick to the EU-centered approach when formulating and explaining the principles of the regional integration in Eurasia. At the same time, they are claiming the centrality of the concept of sovereignty in this new type of regional integration. The purpose of this article is to provide an overview of the research on the theoretical accounts of regionalism in Eurasia within the EAEU, as well as to introduce some comparative regionalism theories and apply them to the EAEU. The concept of status in IR is used along with the study of the dichotomy “Sovereignty vs. Supranationalism” in the development of the EAEU.

Key words: Eurasian Economic Union, theories of integration, regionalism, sovereignty, status, Western and non-Western integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>